

Группа быстрого реагирования Национального совета по транспортной безопасности прибыла на место спустя семь часов после катастрофы — именно столько времени занял путь от Вашингтона до Денвера. Сойдя с самолета, они сразу же расселись по автомобилям и помчались к маленькому городку, расположенному на равнинах Северного Колорадо. Они добрались до пункта назначения затемно. Экспертам нужно было как можно скорее приступить к работе, чтобы понять, что же случилось.

Вскоре после экспертов приехал мэр города и вежливо поприветствовал ведущего следователя совета. Они позировали для журналистов, позволили сделать несколько фотографий. Мэр также занимал должность бухгалтера — маленький городок не может позволить себе много штатных сотрудников — и за неимением политической практики прятал руки в карманах. Ему не хотелось, чтобы все видели, как руки дрожат.

Полиция оцепила район, и команда Совета по транспортной безопасности в защитных оранжевых костюмах и масках взобралась на обломки. Поверхность идеально ровной земли обуглилась, как кусок тоста на жаровне. Огонь погас, но воздух пока еще оставался теплым. Самолет пробился через деревья и зарылся носом в землю. Хорошая новость заключалась в том, говорили друг другу члены команды совета, что рядом не было жилых домов. Ни один человек на земле не пострадал. Нашли только двух искалеченных коров и мертвую птицу среди кресел, багажа, металла и оторванных конечностей.

Семьи прибыли в Денвер со всех концов страны в течение суток после произошедшего. Для них зарезервировали несколько этажей в «Марриотте». В пять вечера 13 июня представитель Национального совета по транспортной безопасности, тактичный мужчина с лицом, испещренным постугревыми шрамами, провел брифинг в банкетном зале отеля.

Родственники погибших тяжело уселись на складные стулья. Они наклонялись ближе вперед, будто слушали кожей; они склоняли головы, словно кончики волос улавливали то, чего не могла уловить никакая другая часть их тела. Поры были открыты, пальцы растопырены. Они слушали жадно, надеясь, что за фактами скрывается иная правда, не настолько сокрушительная.

В дальнем углу комнаты стояла сложная цветочная композиция, на которую никто не обращал внимания. Красные и розовые пионы в гигантских вазах. Каскад белых лилий. Они остались после свадьбы, состоявшейся накануне вечером, и их запах на всю жизнь закроет вход в цветочные магазины некоторым присутствующим.

Пресса держалась в стороне. Во время интервью журналисты избегали зрительного контакта с родственниками и выражали волнение по-своему: кто-то нервно расчесывал руки, как будто коснулся ядовитого плюща, кто-то постоянно теребил волосы. Новая информация распространялась в прямом эфире по телевизору и через онлайн-рассылки. СМИ акцентировали внимание на *выдающихся* пассажирах. *Пластмассовом бароне*, прославившемся тем, что построил целую империю, а затем автоматизировал ее и оставил тысячи людей без работы. Вундеркинде с Уолл-стрит, чье

состояние оценивается примерно в 104 миллиона долларов. Офицере армии Соединенных Штатов, трех профессорах, активисте движения «За гражданские права» и авторе книги «Закон и порядок». Репортеры вливали факты в голодные уши, ведь новость захватила весь мир, ее обсуждали в каждом уголке интернета.

Один из репортеров поднес к камере экземпляр The New York Times и показал огромный заголовок, который обычно приберегают для сообщений о президентских выборах или высадок на Луну. Заголовок гласил: 191 человек погиб в авиакатастрофе, 1 выжил.

К концу брифинга у родственников погибших остался только один вопрос, и каждый из них тянулся к нему, как к распахнутому в темной комнате окну: как мальчик?

Неповрежденные части самолета доставили на специализированный объект совета в Виргинии. Куски голуболомки там сложат в полную картину. Сейчас все были заняты поиском черного ящика. Женщина, возглавляющая команду, настоящая легенда, мастер своего дела, шестидесятилетняя Донован, была уверена, что его скоро найдут.

Для человека с ее опытом сцена не представляла сложности. Обломки разбросаны в радиусе полумили, в округе нет водоемов или болотистой почвы — только грязь и трава. Все детали в пределах досягаемости, ничто не будет пропущено или потеряно. Она обратила внимание на обугленный металл, треснувшие сиденья, осколки стекла. Увидела куски тел, но ни одного уцелевшего тела. Главное, стараться не думать о человеческой плоти, так проще сосредоточиться на металле. На каждой

детали головоломки. Команда эксперта Донован — мужчины и женщины, проводящие свою профессиональную жизнь в ожидании трагедий, — плотно сжимали спрятанные под масками губы и работали изо всех сил — им нужно было провести инвентаризацию и запаковать улики.

Через несколько дней отель «Марриотт» опустел: семьи погибших разъехались по домам. Ежедневные упоминания в прессе прекратились. Члены команды Национального совета по транспортной безопасности нашли черный ящик и вернулись в Виргинию. Они объявили, что опубликуют выводы в течение трех недель и что примерно через шесть месяцев в Вашингтоне состоится публичное слушание по представленным доказательствам.

Новости о единственном выжившем обростали подробностями: несколько статей были посвящены дяде и тете мальчика, прилетевшим из Нью-Джерси, чтобы позаботиться о нем. Лейси Кертис тридцать девять лет, она младшая сестра Джейн Адлер и единственная кровная родственница мальчика. На фотографиях она робко улыбалась, у нее были светлые волосы и пухлые щеки, усыпанные веснушками. Известно о ней было лишь то, что она домохозяйка. Ее мужу Джону сорок один год, он программист, занимается ИТ-консалтингом и работает с парой местных фирм. Детей у них не было.

Люди продолжали жадно поглощать информацию обо всем, что было связано с произошедшей катастрофой, теле- и интернет-эксперты накаляли атмосферу. Пилоты были пьяны? Самолет неисправен? Это точно не террористический акт? Может, один из пассажиров был сумасшедшим и вломился в кабину пилота?

Самолет повредил ураган? Google Analytics показывал, что спустя неделю после аварии 53% всех поисковых запросов по США стали связаны с авиакатастрофами.

— Почему, — рычал один из телеведущих федерального канала, — из всех ужасных вещей, происходящих в этом ужасном мире, нас так волнует только этот упавший самолет и выживший мальчик?

Он уже неделю был в больнице. В палату вошла женщина на костылях: она возглавляла отдел по связям с общественностью денверского госпиталя, и ее задачей было информировать семью обо всем, что говорят за стенами больницы о катастрофе.

— Сьюзан, — поприветствовал ее Джон Кертис, высокий бородатый мужчина с бледным лицом и выдающимся животом, подобающим человеку, который большую часть своей жизни провел перед монитором.

— Он говорил сегодня?

Лейси, бледная женщина с кофейным пятном на блузке, покачала головой.

— Нет, он молчит с тех пор, как мы ему рассказали.

— Вы уже решили, как нам лучше к нему обращаться — Эдди или Эдвард? — спросила Сьюзан.

Супруги переглянулись. Они были изможденными, их взгляды расфокусированными — еще бы, с того самого телефонного звонка им удавалось спать не больше часа в сутки. Самолет разбился в середине недели, как раз в тот момент, когда Лейси и Джон не разговаривали друг с другом. Они поссорились: он хотел прекратить попытки завести ребенка, а она — нет. Теперь ссора и молчание отошли на второй план. Их жизнь перевернулась с ног на голову. Перед ними лежал

племянник, одинокий и сломленный, и теперь они несли за него ответственность.

— Это же для незнакомцев, так? — произнесла Лейси. — Они не знают ни его, ни нас. Пресса должна использовать полное имя. Эдвард.

— Не Эдди, — прибавил Джон.

— Хорошо, — ответила Сьюзан.

Эдвард, теперь его звали так, спал или притворялся спящим. Трое взрослых смотрели на него так внимательно, будто видели в первый раз. Повязка закрывала лоб, густые волосы выбивались из-под нее. У мальчика была чистая белая кожа и темные круги под глазами. Он похудел и выглядел младше своих двенадцати лет. На его груди багровел синяк, выглядывающий из выреза свободного больничного халата. Обе ноги были закатаны в гипс, правая поднята в тяге. На ступнях — оранжевые носки из больничного сувенирного магазина. Белые буквы складывались в «Денвер!!!» на пятках.

Под рукой мальчика лежал мягкий плюшевый слоник. Лейси было трудно на него смотреть. Сотрудники транспортной компании, которых наняли Адлеры для перевозки вещей, ночью после катастрофы остановились в Омахе и сняли мотель. На стоянке они разгрузили машину, вытащили все коробки на асфальт и открыли ту, на которой было написано «Комната Эдди». Рабочие выудили из коробки мягкую игрушку и отправили ее в больницу Денвера, приложив к ней записку: «Мы подумали, что это может понадобиться мальчику».

— Мы планируем перевезти его через пару дней, пока он стабилен, — сказала Сьюзан. — Для поездки выделен частный самолет, вы оба можете полететь с ним.

— Все так добры! — произнесла Лейси и мгновенно покраснела. У нее было много веснушек, и румянец попросту соединил все в одно пятно. Она заломила руки, как будто надеялась, что это движение хоть как-то изменит невыносимую реальность.

— Еще кое-что, — сказала Сьюзан. — Вы выходили в сеть?

— Нет, — сразу ответил Джон и после паузы уточнил: — Не совсем.

— В Facebook появилось несколько сообществ, посвященных трагедии и Эдварду. Была также создана учетная запись в Twitter под названием @miracleboy с фотографией Эдварда на аватаре, но ее быстро удалили.

Джон и Лейси часто заморгали, глядя на нее.

— Контент там в основном положительный, — продолжила Сьюзан. — Записки с соболезнованиями и тому подобное. Вы оба мелькали в новостях, потому что люди интересовались судьбой Эдварда. Я просто не хочу, чтобы вы удивлялись, если вдруг наткнетесь на что-то подобное.

— В основном положительный? — переспросила Лейси.

— Тролли, — ответил Джон.

— Тролли? — Глаза Лейси широко распахнулись от удивления.

— Люди, пишущие провокационные комментарии в интернете, чтобы получить эмоциональный отклик, — пояснил муж. — Их цель — расстроить остальных. Чем больше человек попадет на их уловки, тем успешнее их троллинг.

Лейси поморщилась.

— Некоторые считают это искусством, — добавил Джон.

Сьюзен почти неслышно вздохнула.

— Если у нас не будет другого шанса поговорить перед вашим отъездом, хочу напомнить вам об адвокатах, которые ведут дела по причиненному вреду здоровью, и юристах в сфере авиационного права. Боюсь, они набросятся на вас, как стервятники. Но приблизиться к вам они смогут только через пять дней после катастрофы. Поэтому, пожалуйста, не обращайтесь на них внимания или подавайте в суд на всех, кто вас донимает. Все медицинские счета оплачивает авиакомпания. Вам не нужно никуда торопиться. Сначала выплатят пособие Эдварда по потере кормильца, затем — страховку, если родители ее оформляли. Для всех остальных действий потребуется время, и я не хочу, чтобы кто-то навязывал вам какие-либо юридические услуги.

— Хорошо, — машинально кивнула Лейси, хотя очевидно, что сейчас ее интересовало другое. В углу комнаты стоял телевизор, его звук был выключен, внизу экрана красовался баннер с надписью «ЧУДО-МАЛЬЧИКА ПЕРЕВОЗЯТ В БОЛЬНИЦУ РЯДОМ С ДОМОМ РОДСТВЕННИКОВ».

— Иногда люди ведут себя просто ужасно, — сказала Сьюзан.

Эдвард заерзал на кровати. Он повернул голову, обнажая покрытую синяками щеку.

— Кое-кто из родных погибших хотел увидеть его, — продолжила она. — Но мы их не пустили.

— Господи, — выпалил Джон. — Почему они хотят его видеть?

Сьюзан пожала плечами:

— Может быть, потому, что Эдвард был последним, кто видел их близких живыми.

Джон издал негромкий стон.

— Простите, — сказала Сьюзан, ее щеки порозовели. — Мне следовало сформулировать фразу иначе.

Лейси села в одно из кресел, стоящих у окна. Лучи солнца упали на ее лицо.

— И еще, — добавила Сьюзан. — Президент собирается позвонить.

— Какой президент?

— Соединенных Штатов.

Джон громко рассмеялся, разряжая воздух комнаты. Напряженный воздух. Воздух, будто бы с нетерпением ожидающий следующего слова от мальчика, лежащего на кровати. Воздух, оглушающий каждого, кто входил в комнату, отделяя тем самым тех, кто пережил утрату, от тех, кому посчастливилось сохранить самое дорогое.

Лейси прижала руки к засалившимся волосам, и Джон сказал:

— Он не сможет тебя увидеть, Лейс, разговор состоится по телефону.

Мальчик проснулся, когда медсестры брали у него кровь и измеряли пульс. Вот-вот должен был раздаться звонок.

— Я здесь, — сказала Лейси. — И дядя Джон тоже.

Эдвард скривил лицо.

Лейси почувствовала укол паники: *ему больно?* А потом поняла: он пытается улыбнуться, приободрить ее.

— Нет-нет, — прошептала она, а затем обратилась к присутствующим: — Мы готовы к звонку?

Когда она повернулась к Эдварду снова, тот не двигался.

Рядом с кроватью поставили новенький телефон, и Сьюзан нажала на кнопку громкой связи.

— Эдвард? — Глубокий голос наполнил комнату.

Мальчик лежал на кровати, и в глазах окруживших его взрослых он выглядел совсем хрупким.

— Да, сэр?

— Молодой человек... — Президент выдержал паузу. — Ни я, ни кто-либо другой не можем сказать что-то, что будет иметь для тебя значение в эту минуту. Могу только представить, через что ты проходишь.

Эдвард молчал.

— Вся страна сожалеет о твоей потере, и мы поддерживаем тебя в твоей борьбе. Ты со всем справишься.

Лейси легонько коснулась руки Эдварда, но тот продолжил хранить молчание.

Глубокий голос повторил, теперь уже медленнее, словно еще верил, что это поможет мальчику:

— Вся страна поддерживает тебя в твоей борьбе. Ты со всем справишься.

Эдвард молчал всю дорогу до Нью-Джерси. Молчал в машине скорой помощи с тонированными окнами — окна затемнили специально, чтобы пресса не фотографировала его. На протяжении следующих двух недель, проведенных в одной из больниц Нью-Джерси, он говорил только тогда, когда это было необходимо по медицинским показаниям; легкое восстанавливалось, а поврежденная нога заживала.

— Выздоровление проходит прекрасно, — сказал ему врач.

— Я все время слышу щелкающий звук.

Лицо доктора изменилось: он напрягся, а в его голосе проступили нотки профессионального беспокойства.

— Давно ты его слышишь?

— С тех пор, как проснулся, — после паузы ответил мальчик.

К обследованию присоединился невролог. Он назначил Эдварду новые анализы и МРТ мозга. У невролога были седые брови, гладко выбритое лицо и лысый череп. Каждый день он глубоко смотрел ему в глаза, будто пытался считать информацию, которую понимал только он.

— Правда в том, — сказал невролог Лейси и Джону, как-то позвав их в коридор, — что, если бы десять людей пережили такую же травму, как этот ребенок, если бы их трясло, швыряло с огромной силой и скоростью, а потом отбросило на твердую поверхность, у каждого из них наблюдались бы разные симптомы. — И, видимо для большей убедительности, он вскинул свои седые брови. — Черепно-мозговая травма по большей части невидима для нашей техники, поэтому я не могу сказать с полной уверенностью, какие последствия травма дала сейчас и какие еще обнаружатся в будущем. — Он пристально посмотрел на Лейси. — Представьте себе, что я схватил вас за плечи и трясу изо всех сил. Когда я отпущу вас, технически вы не будете травмированы — мышцы будут целы, но тело почувствует воздействие. Верно? Это и происходит с Эдвардом. В течение нескольких месяцев или даже лет он будет испытывать странные симптомы: депрессию, тревогу, панику, потерю чувства

равновесия. Изменения могут коснуться даже слуха и обоняния. — Доктор перевел взгляд на часы. — У вас есть вопросы?

— Не сейчас, — спустя мгновение ответил Джон.
Лейси согласно кивнула.

Каждую ночь медсестра будила Эдварда. Она измеряла давление, температуру и неизменно спрашивала, как он себя чувствует. Вместе с ней всегда приходил плеши-вый доктор. Каждое утро Эдварда навещала тетя, она приглаживала ему волосы и тихо спрашивала:

— Как дела?

Эдвард не мог ответить ни на один из этих вопросов. Слишком опасно было приоткрывать завесу, за которой таились его чувства и эмоции. Он старался обходить свои переживания стороной, будто бы они — мебель, углы которой можно и не задевать, когда пересекаешь комнату. Перед уходом медсестра оставляла включенным детский канал, он смотрел мультфильмы. Эдварду все время хотелось пить, а щелканье в ухе то исчезало, то возобновлялось. Иногда ему казалось, что он бодрствует и спит одновременно, — проходили часы, но он не замечал хода времени: вот на коленях стоит поднос с завтраком, а вот снаружи уже темнеет.

Ему не нравились ежедневные прогулки, которые и не были прогулками вовсе, ведь он сидел в инвалидном кресле.

— Тебе нужно сменить обстановку, — каждый день повторяла медсестра, та, что носила дреды. В выходные приходила другая — длинноволосая блондинка: она предпочитала молча сажать его в кресло и вывозить в коридор.

А в коридоре всегда поджидали люди. Десятки людей. Пациенты. Некоторые, как Эдвард, сидели в инвалидных креслах, а другие опирались о дверные косяки. Медсестры пытались разогнать их по палатам.

— Не толпитесь в коридоре! — кричал медбрат. — Нарушаете технику безопасности! Дайте мальчику немного места!

Какой-то старик крестился, и темнокожая женщина с капельницей в руке вторила ему. Рыжеволосый подросток, ровесник Джордана, кивал Эдварду. Множество глаз смотрели на него, и сцена начинала напоминать картину Пикассо — сотни глазных яблок окружены конечностями и волосами, собранными в причудливые прически. Как-то пожилая женщина протянула руку, чтобы коснуться Эдварда, когда медсестра провозила его мимо.

— Господь благословил тебя.

Хуже всего было видеть плачущих. Эдвард старался не смотреть на них, но их рыдания гремели, как орган, вытягивая из помещения свежий воздух. Это неправильно, незнакомцы выплескивали на Эдварда эмоции, в то время как его собственные страх и печаль были настолько велики, что ему приходилось прятаться от них. Слезы этих людей жгли его ободранную кожу. В ушах начинали раздаваться щелчки, плачущие прижимали носовые платки ко рту, а потом медсестра довозила его до конца коридора, автоматическая дверь открывалась, и Эдвард оказывался снаружи. Он смотрел на сломанные ноги, чтобы не видеть неба, в котором тянулся отпечаток смерти.

Когда Эдвард освоил костыли и заново научился ходить, опираясь на менее поврежденную ногу, его выписали

из больницы. Голова и ребра зажили, а синяки чуть пожелтели. При выписке сотрудники больницы собрались в его палате, чтобы попрощаться, и Эдвард только тогда осознал, что не знает их имен. Да, на груди у них висели бейджи, но любые попытки прочесть что-либо вызывали у него головную боль. Не очередной ли это симптом? Возможно, он больше никогда не запомнит ничего имени и единственными именами в его голове останутся имена тех, кого он знал до катастрофы. Эта мысль даровала ему странное успокоение. Он пожал руки плешивому доктору и медсестрам.

На выходе из больницы он поднялся из инвалидного кресла и оперся на костыли. Лейси и Джон повели его к машине, и теперь их присутствие ощущалось по-новому. Последний раз он видел их на Рождество, когда они встретились за завтраком в ресторане на Манхэттене. Он вспомнил, что слушал, как его отец и дядя обсуждали новый язык программирования. Он сидел между матерью и Лейси и от скуки построил домик из столового серебра и салфетки. Женщины перескакивали от одного, казалось бы, бессмысленного разговора к другому: соседи, мороженое, которое Лейси делала раз в год из странной канадской ягоды, привлекательный актер из телешоу, которое смотрела мама.

Эдвард всегда любил дядю и тетю, но понимал, что навещают они Адлеров не ради него или Джордана. Взрослые тянулись к взрослым. Визиты сводились к тому, что мама и тетя, слезно обнявшись на прощание, обещали друг другу видеться чаще.

Эдвард представил себе, как напротив него сидит брат: сидит как взрослый, сцепив пальцы, и ведет взвешенный разговор, подобный тому, что вели отец

и Джон. Образ брата причинил Эдварду такую боль, что на секунду помутнело в глазах и он споткнулся.

— Осторожнее, — придержал его Джон.

— Прощай, Эдвард, — прогудел хор голосов. — Удачи, Эдвард.

Перед ним распахнулась дверь машины. И тогда он заметил, что на противоположной стороне улицы собралась небольшая толпа. Он рассеянно поинтересовался, что это за люди. Кто-то выкрикивал его имя, другие аплодировали и махали, пытаясь привлечь его внимание. Он взгляделся в плакат, который держала маленькая девочка, и, преодолевая боль, разобрал буквы: «Держись!» Чуть пониже печатными шрифтом было выведено: «ЧУДО-МАЛЬЧИК».

— Я не знаю, как они вывели дату твоей выписки, — сказал Джон. — СМИ ее не сообщали.

Лейси потеряла руку Эдварда, который неуверенно балансировал и чуть не упал на асфальт.

— Похоже, они считают меня знаменитостью.

— Ты действительно вроде как знаменитость, — подтвердил Джон.

— Давайте уйдем, — предложила Лейси.

Они сели в машину и поехали мимо толпы. Эдвард смотрел на людей через стекло. И легонько взмахнул рукой, в ответ незнакомый мужчина рассек воздух кулаком, как будто Эдвард сделал то, на что этот мужчина надеялся всю жизнь. Щелкающие звуки вновь заполнили голову, они напоминали стаккато, которое Эдди обожал при игре на фортепиано. Эдвард откинулся на спинку сиденья и начал прислушиваться к ощущениям. Он не помнил, чтобы когда-нибудь раньше в его голове играли такие звуки. Под резкими щелчками

раздавался глухой стук — менее четкий, беспорядочный — стук его сердца.

Они ехали к дому, который Эдвард посещал время от времени, но всегда с родителями и братом. Теперь ему предстояло там жить. Как такое возможно? Он пытался вспомнить название города. Эдвард смотрел, как за окном проносились машины и деревья. Казалось, они едут слишком быстро, и он собирался что-то сказать, когда заметил кладбище. Впервые он задумался: а что случилось с телами?

Его прошиб ледяной пот.

— Пожалуйста, остановитесь.

Джон свернул к обочине, Эдвард толкнул дверь и, высунувшись из салона, опустошил желудок. Овсянка и апельсиновый сок полились на серую грязь. Мимо проносились машины. Лейси гладила его по спине. Всякий раз, когда Эдвард не видел лица тети, он представлял себе, что его касается мама.

Эдварда рвало и рвало, тело сжималось и расслаблялось, избавляясь от груза.

Он услышал, как Лейси сказала:

— Я злилась, когда медсестры говорили тебе, что все будет нормально и ты уже в порядке.

Тетин голос был резче маминого. Все вернулось на свои места, ему больше не казалось, что мама рядом.

— Ты не в порядке. Ты слышишь меня, Эдвард? Ты меня слушаешь? Ты не в порядке. Мы не в порядке. *Это все не нормально.*

Рвота остановилась, но Эдвард пока не понял, будет ли продолжение. Когда он почувствовал, что сердце пульсирует в пустом теле, что тело очистилось, он сел. И кивнул. Этот кивок ослабил и разорвал воздух

в машине, дал облегчение. Каждый почувствовал: это начало новой жизни, вот только момент был выбран наихудший из всех, что можно представить.

9:05

Из иллюминаторов виднеются остроконечные здания Манхэттена, поднятая рука статуи Свободы и мост, перекинутый через реку. Пассажиры ерзают в креслах, пытаются принять наиболее удобную для шестичасового полета позу. Некоторые разуваются. Те, кто может засыпать в любом месте и в любое время, уже спят. В конце концов, пассажирам совершенно ни к чему бодрствовать: на земле они могут использовать собственные тела, однако в воздухе баланс сил меняется — оболочка человека не имеет никакой пользы и фактически является неудобством. И теперь каждому пассажиру нужно найти наиболее приемлемый способ законсервировать себя до конца полета.

Флорида смотрит мимо Линды и спящей женщины, закутанной в синий шарф. Она жаждет увидеть город, прежде чем тот исчезнет за облаками. Разные места обладают разной энергией, и для нее Нью-Йорк — это блестящие тени для век, граффити Баскии и незнакомцы со смелыми мечтами. Она видит себя танцующей в барах, медленно идущей по шумным улицам и слышит восхищенный свист мужчин. Она представляет, как берет все от дней, проведенных в этом сумасшедшем городе, наполненном щелчками, хрустом и треском.

Флорида жила в Нью-Йорке, когда ей было лет двадцать или тридцать, но она никогда не вспоминала только один период времени, а наслаивала их друг на друга.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

